

Виталий Квашиш: «Ценность социальных наук и гуманитарного знания давно вытеснена на периферию общественного спроса...

Юридическое образование оказалось на задворках гуманитарного знания, а криминология — на задворках юридического образования»

— *Виталий Ефимович, в 2018 году в «Журнале российского права» Вы отметили, что число публикаций криминологов и правоведов явно уступает их качеству. Речь шла о формализме при учете показателей работы и о коммерциализации научной продукции. В чем причина этой ситуации и что изменилось?*

— Трансформации качества исследований находятся в русле изменений в обществе; они соответствуют общему тренду к снижению уровня любой, в том числе и научной продукции. Этот тренд обусловлен многими, лежащими в разной плоскости причинами, между которыми разные по интенсивности и сложные по характеру взаимосвязи. Назову лишь те, что на поверхности и наиболее очевидны.

Все более широкое использование интернета и других технических средств облегчило доступ к информации, но одновременно оно коренным образом изменило психологию исследователей, особенно молодежи, отбило охоту к творчеству, что в итоге заметно снизило уровень интеллекта и общей культуры. Этот тренд обусловлен и непомерной бюрократизацией управления образованием и наукой; она проявилась в абсурдных и разрушительных установках на учет и приоритет формальных показателей работы преподавателей и ученых. Это породило погоню за числом публикаций и индексами цитирования. Бюрократизация принесла и ряд других проблем, повлекших общее снижение уровня обучения и научной работы, когда на авансцену вышли дилетанты и имитаторы, не знающие основ предмета, не владеющие методологией и методикой исследований.

Рынок быстро отреагировал на бюрократические установки — появилась масса журналов, разных по научной значимости; они вызвали всплеск активности дилетантов и манипуляторов — плати денежку и печатайся. И пошло-поехало. Одни издатели бросили клич: «50% за вторую и последующие статьи!», другие предлагают публикации под маркой научных конференций, третьи приглашают печататься за рубежом и т.д. Последнее время ежедневно приходят предложения с публикацией в европейских журналах. Профиль специальностей, финансовые условия и даже обложки в них идентичны,

Виталий Квашиш — криминолог, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

и, похоже, все они имеют одного хозяина. Эти самопальные издания не имеют отношения к научной продукции, публикуемой в специализированных научных журналах в тех же странах. Показательно, что во Франции, в Великобритании или в Нидерландах, где научная продукция отличается наиболее высоким качеством, нашим дельцам скооперироваться не удалось.

Погоня за числом публикаций привела к тому, что у некоторых авторов индексы цитирования зашкаливают; не имеет значения, хвалят тебя или критикуют, индекс растет. Неважно, что большинство таких авторов науке неизвестны, что их работы не имеют научной ценности, важно, что они лидеры по бюрократическим показателям. В их публикациях все больше заметны поверхностность анализа и некомпетентность, наукообразие, формулирование неграмотных или банальных выводов, дискредитирующих науку. Здесь важны не перверсии, а тренд. А он, к сожалению, сохранился.

Ныне интернет наводнили приглашения к публикациям в Scopus и Web of sciences, где высокие расценки гарантируют качество и быструю публикацию. Есть и предложения под ключ, куда входят редактирование, перевод и рецензирование. Может, если я не совсем отстал, скоро появятся и предложения с написанием самой статьи. Между тем в ряде диссертационных советов произвольно нормируют число статей в таких изданиях, необходимое для допуска работы к защите. Считается, что их число — один из критериев качества. Этот подход мне не кажется верным; публикации в профильных отечественных изданиях вовсе не являются менее авторитетными.

— Недавно вышли Ваши «Избранные труды», где наряду с другими помещены две новые книги. Одна из них посвящена размышлениям о прошлом и настоящем и уже вызвала большой интерес. Я, например, прочла ее на одном дыхании; книга написана с юмором, самоиронией и захватывает с самого начала. В ней много личного, откровенного и неожиданного. Не могли бы Вы сказать несколько слов об этой книге?

— После выхода прежнего издания прошло пять лет. В эти годы я опубликовал довольно много новых работ; некоторые из них мне по-своему близки и потому включены в это издание. Для меня оно имеет особое значение, ибо, помимо всего прочего, является последним. В него вошел ряд новых статей по криминологии, уголовной политике и сравнительному правоведению. Я включил в него и книгу о своих воспоминаниях и размышлениях. Здесь все в основном глубоко личное — это не «автобио», а своего рода инвентаризация впечатлений и мыслей о прожитом, детстве, раннем начале взрослой жизни, о «трудовой деятельности». Это и репродукция, и попутные размышления, и рассказ о времени, в которое была погружена моя жизнь, об интересных событиях и фактах, о людях, с которыми посчастливилось соприкоснуться, о многочисленных поездках по белу свету, о веселом и грустном, о тех, кто мне близок и дорог. В этих воспоминаниях есть оценки разных ситуаций, межличностных отношений, состояния и перспектив развития общества, образования и науки, законодательства и практики правоприменения.

— Вы еще верны формуле «Скажи, кто твой учитель, кто твои друзья, что ты читаешь, и я скажу, кто ты» или время здесь что-то изменило?

— В принципе для меня здесь ничего не изменилось; в мои годы менять убеждения сложно. Конечно, в каждом конкретном случае вполне возможны различные нюансы, но в целом эта формула «работает». Исключения лишь подтверждают правило. Это тот редкий случай, когда, как говорят японцы, листья тонут, а камни плывут.

— В этом издании, кстати, есть и книга о Японии. Для тех, кто не знаком с Вашим увлечением, ее появление было неожиданным. Каково ее значение для юридической общественности и более широкого круга читателей?

— Здесь совпали факторы субъективного и объективного плана. Первые связаны с моей давней «повернутостью» на этой уникальной стране, с интересом к образу жизни, культуре, системе ценностей и психологии японцев. О факторах объективных надо сказать отдельно. Книга называется «Япония глазами криминолога». Это накладывает отпечаток на отбор материала и суждения. Японию отличает ряд особенностей социально-правовой политики и, как одно из ее достижений, самые низкие показатели преступности. Оценки криминолога основаны на сравнительном анализе. Япония и Россия — соседи, страны с почти той же численностью населения, относящиеся к одной системе континентального права, с одним трендом в динамике преступности, но с разными тенденциями в законодательстве и практике. История обеих стран отражает многое из того, что при всех различиях является для них общим (схожесть проблем рыночной экономики, влияние западной правовой системы и т.д.).

Впервые я прилетел в Японию ровно 30 лет назад для чтения лекций в университете Мито; позднее приезжал много раз, был во всех крупных городах, на дальних островах, дважды проехал страну от ее самой северной до южной точки, полюбил Окинаву, с интересом наблюдал за жизнью города, деревни, утренней суетой рыбных портов и т.д. Конечно, массив впечатлений уступает сумме «пониманий»; объяснения, вроде бы, найти можно, а понимания нет. Поэтому для иностранцев «загадочная» Япония предстает в образе замаскированного космического корабля, чьи пассажиры кажутся пришельцами из другой, неведомой цивилизации. Здесь часто ощущаешь, что одновременно находишься как бы в двух мирах, на каждом шагу попадая из мира древности в мир завтрашний. Не зря говорят, что только в Японии понимаешь, что будущее уже наступило. Возможно, в моих суждениях много преувеличений, но это преувеличения от увлечения.

Для юристов книга может представить интерес и в информационном, и в сравнительном плане; в ней показаны специфика законодательства и практики его применения, тенденции борьбы с преступностью, особенности работы суда, прокуратуры, полиции, пенитенциарной системы, практика применения наказаний. Для более широкого круга читателей могут быть интересны малоизвестные стороны социальной жизни: система пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, роль институтов семьи и брака, общинного сознания, определяющего быт и уклад жизни разных социальных групп (молодежи, женщин, пенсионеров), специфические черты характера и поведения японцев, влияние традиций и обычаев на психологию и менталитет нации, роль мифологии и стереотипов мышления в формировании массового сознания. Одним словом, все то, что всегда вызывает неподдельный человеческий интерес.

— В Ваших работах дается пессимистическая оценка состояния и перспектив российской криминологии. С чем Вы это связываете и каковы пути выхода криминологической науки из ее болезненного состояния?

— Ситуация в науке известна; она сложная и многослойная; частично о ней мы уже говорили. Поэтому мои тезисы не претендуют на систему и полноту. Не хотелось бы быть певцом апокалипсиса науки, но нельзя не считаться с тем, что с ней и вокруг нее происходит. Криминологическая реальность должна формировать границы преступного поведения и понимание его сути. Но эта реальность и законодательство у нас существуют автономно; это две разные планеты, где каждая движется по своей орбите. Правовой режим находится в состоянии турбулентности, где пространство здравого смысла сокращается, а иррациональное вытесняет рациональное. Отсюда и репрессивный вектор, с которым связаны законодательные новеллы последних лет; они все больше напоминают намек оглоблей, сеют страх и делают психологическую атмосферу в обществе еще более напряженной.

Уголовное право и криминология тоже развиваются автономно. Среди криминологов все больше заметен отрыв от основ права, они не успевают за «совершенствованием» закона и не видят перспективы реализации растущего криминологического материала. А среди специалистов уголовного права все больше обособленности уголовно-правовых решений от криминологических идей. Эта ситуация развивает флюсы специализации, ведет к схоластике в уголовном праве, к дрейфу криминологии к социологии и публицистике. О застое и деградации обеих наук говорит и тенденция к дезинтеграции внутри каждой из них. В криминологии разрыв между ее методологическими основами и прикладной частью глубже, заметнее и идет быстрее. Несмотря на вызовы времени, большая часть исследований ведется в парадигме криминологии 70–80-х годов, когда методология строилась без учета преобразований, связанных с достижениями науки и технологическим прорывом. Эти исследования не отражают процессов трансформации экономических и политических отношений. Наука все больше развивается в виде исследований преступности конкретных подсистем, растет число отраслевых, «частных» теорий, которые строятся в отрыве от единых методологических основ криминологии. Все это беда системная. В ее анамнезе много всего — и объективного, и субъективного.

В последние годы ушли из жизни такие мегазвезды научного небосвода, как Б.В. Волженкин, А. Э. Жалинский, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова. Они были интеллектуальными донорами науки, драйверами новаций, а их работы - визитными карточками времени. «Золотой век» нашей криминологии длился недолго. Ныне ряды профессионалов сильно поредели; их костяк составляют две группы: одна — «плюс-минус 70», другая — «80 плюс». Тех, кто пришел на смену, единицы.

Отсутствие востребованности и кризис криминологии связаны, конечно, с победой технократии, когда ценность социальных наук и гуманитарного знания оказалась вытесненной на периферию общественного спроса. В итоге юридическое образование оказалось на задворках гуманитарного знания, а криминология — на задворках юридического образования. На этом фоне развивалась парадоксальная ситуация — при падении спроса на юристов сеть учебных заведений ширилась и вела к поголовному юридическому образованию со всеми его недостатками. Переход на европейскую систему образования усугубил их еще больше. А десятилетнее исключение криминологии из перечня учебных дисциплин и вовсе привело к катастрофе, последствия которой сказались на поколениях студентов, лишенных элементарных криминологических знаний, и будут напоминать о себе еще очень долго. Даже когда криминология была восстановлена в прежнем статусе, ее преподавание минимизировали, сделав предметом факультативным, а в наиболее крупных вузах ее перевели на беглое обучение в магистратуре. Вовлечение в орбиту исследований людей, плохо подготовленных, связано с непомерной бюрократизацией науки и образования, с издержками юридического образования, с пренебрежительным отношением к криминологии со стороны властных структур. Все это ведет к пропасти между наукой и практикой и, в итоге, к снижению качества законодательных решений и ошибкам в практике правоприменения.

Настоящее состояние криминологии остается в ее прошлом и делает эту науку маргинальной; на этом фоне ее будущее выглядит проблематичным. Криминология, как и любая наука — дитя контекста; когда общество тянут в прошлое, оптимистический сценарий ее будущего просматривается с трудом. Тем более, что, как заметил один оптимист, никогда не бывает так плохо, чтобы не стало еще хуже. Потому мои прогнозы порой носили погребальный характер; иногда я называл будущее криминологии фата морганой. В самом деле, криминология — одна из социальных наук, все менее востребованных государством. Мир идет в противоположном направлении, но у нас, как всегда, особый путь. Как можно развивать криминологию в отрыве от мировой науки, от растущего объема нового знания и новой информации? Построить патристическую криминологию, как и социальную науку в целом, невозможно. Как верно заметила профессор ВШЭ И. Бусыгина, можно создать новую веру, новый

культ, но это не может называться «наукой» просто потому, что не предполагает процесс познания. В криминологии море неизвестного; чтобы познать хотя бы часть её «белых пятен», нужна кардинальная смена методологии и парадигмы исследований. При свертывании социальных наук сделать это нельзя. Выход отечественной криминологии из ее коматозного состояния, как мне казалось, лежит на путях кооперации и интеграции с мировой криминологией, благо, наука по своей природе интернациональна. Но этот путь ныне признан неприемлемым, интеграция в интернациональное знание — это, к сожалению, уже не наш путь, не наш *modus vivendi*.

Сегодня футуристика криминологии выглядит весьма фрагментарной и не оптимистичной, ее горизонты сужаются и, похоже, ее былой бренд умирает. Этому способствуют все более заметное отсутствие живой мысли, научной конкуренции и рынка новых идей. Оптимистический сценарий будущего науки может лишь выражать надежду, что когда-нибудь наше общество все же поправится и криминология вновь станет востребованной. И хотя ныне все чаще говорят о том, что надежда в России умирает первой, хочется верить в лучшее. А этот путь предполагает переход к криминологии нового типа, к принципиально иной методологии, которая должна опираться на изучение человека, а не социума, на глубокое погружение в исследования механизмов поведения человека на основе достижений нейрофизиологии, психологии и других наук.

— Вы упомянули о проблеме смены поколений. Не могли бы Вы сказать о нынешней ситуации чуть подробнее?

— Спасибо, Вы напомнили о том важном, что я упустил. Я уже отмечал, что после крупных потерь наш криминологический театр стал напоминать театр анатомический; криминология застряла в своем прошлом. Тех, кого можно считать реальной сменой, меньше, чем пальцев на руке. Мне уже доводилось писать о феномене, который я назвал «провинциальностью». При этом подчеркивалось, что этот феномен, связан с рядом пороков внутри науки и не имеет отношения к географии. Наоборот, в том содержании и смысле, которые я вкладывал в это понятие, «провинциальными» являются обе столицы, а не периферийные регионы и города. Именно там пробиваются ростки мысли, новые идеи и подходы. Их авторы далеки от графомании и саморекламы, но они, как мне кажется, рефлексиируют из-за своей молодости, недостаточной известности и удаленности. Количественно их мало, но они живее, интереснее и перспективнее. Сегодня на нашем криминологическом небосводе можно выделить несколько наиболее ярких имен, вселяющих оптимизм и надежду. Это - Анна Разогреева из Ростова, Олег Бирик из Омска, уже известный ученый, автор ряда крупных работ, и Алексей Рыбак из Архангельской области, автор прекрасной монографии «Криминология в человеческом измерении». Вот вам и география, и «провинциальность». Уверен, что работа А. Рыбака и научный уровень А. Разогреевой вполне соответствуют докторской степени. Увы, процедура присуждения ученой степени еще очень консервативна, формализм отбирает много душевных и физических сил. Хватит ли их у тех, кого я назвал, не убавит ли эти силы осознание условности и девальвации ученых степеней? Время летит, молодость уходит, а они погружены в рутину и бытовые проблемы, не видят перспективы и не ощущают востребованности своих знаний и таланта.

— Насколько совершенна современная российская пенитенциарная система? Есть ли необходимость в переменах и что следует изменить?

— О совершенстве здесь говорить не приходится, ибо любая система в принципе не может быть совершенной. Во-вторых, пенитенциарную систему нельзя рассматривать в отрыве от всей правоохранительной системы; она является конечным звеном, венчающим процесс правосудия. Разумеется, она ощущает на себе и изменения в законодательстве, в том числе, в криминализации деяний.

Для осужденного приговор суда означает одномоментный «выход» из одной системы и «вход» в другую, меняющую весь уклад жизни. Заметим, что эта система, так или иначе, аккумулирует издержки следственной и судебной практики, с которыми она встречается осужденных на входе в свои владения. Тенденции в уголовной политике влияют на практику исполнения наказания в виде лишения свободы, порядок и условия его отбывания, средства и методы обеспечения режима. Внутри каждого из этих элементов масса социально-правовых, экономических и организационных проблем, которые решаются с разной степенью эффективности. Основной показатель эффективности работы системы — уровень рецидивной преступности. По данным ФСИН, он составляет около 70%; по явно заниженным данным Минюста — 44%. В любом случае об эффективности говорить трудно.

За последние 10–12 лет численность тюремного населения сократилась в России на 40%, однако наша «тюрьмобильная держава» по этому показателю по-прежнему лидирует. В учреждениях пенитенциарной системы находится почти 0,5 млн человек; по разным данным, в расчете на 100 тысяч населения в стране 325–350 заключенных — в три с лишним раза больше, чем в среднем по Европе. Ежегодный бюджет нашей пенитенциарной системы самый высокий в Европе (более 4 млрд евро), но при этом расходы на содержание одного заключенного (2,4 евро) в 30 раз меньше, чем в среднем по европейским странам (64,4 евро); эти расходы в несколько раз меньше, чем даже в таких странах, как Молдавия, Грузия, Казахстан. На этом фоне не лучшим образом выглядят условия содержания заключенных. И хотя здесь делается немало, смертность среди них во много раз превышает европейские показатели. Между тем условия отбывания наказания и то, как с осужденными обращаются, характеризуют и моральное состояние общества, и систему, в абсолютной власти которой они находятся.

Пенитенциарная система — это дно всей системы правоприменения, где свои устои, традиции, методы работы. На эти устои накладывают отпечаток многие факторы: отсутствие социальных лифтов, бытовых условий и социальных благ, доступных в крупных центрах, находящихся на удалении от колоний, тюремная субкультура и т.д. Отсюда и появление династий надзирателей. Здесь тоже много социальных и психологических проблем.

Любая социальная проблема, как известно, имеет человеческое измерение; механизмы системы приводят в движения люди, ее сотрудники, а они по своим качествам разные, хотя немало и общих черт. Их отчасти можно понять, они заняты работой, веками на Руси презираемой. Сознание этих людей определяют более низкий социальный статус (в сравнении с другими звеньями правоприменения) и незавидное бытие. Часть из них упиваются властью, сознанием того, что от них полностью зависят другие люди; это своего рода компенсация за образ жизни и собственное убожество. Здесь профессиональная деформация личности ускоряется деградацией системы; отсюда и моральное разложение персонала, издевательства, пытки и т.п.

При всей остроте и сложности проблемы все еще нет ее концептуальной оценки, осознания необходимости глубокого реформирования системы. Есть чисто бюрократические предложения ФСИН, утвержденные Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. о концепции реформы, уголовно-исполнительной системы до 2030 г. В них нет ничего из того, на чем строилась Концепция 2010 г., — продвижение демократических начал, больше открытости и гласности в исполнении наказания, взаимодействие с гражданским обществом и т.д. Здесь нет даже мысли о гуманизации методов работы с позиций XXI в., о переосмыслении фетишизации труда как основного средства исправления осужденных, нет даже намек на улучшение условий содержания. Все это в новой «концепции» поставлено на паузу. Есть лишь смутные бизнес-идеи, связанные со строительством службы probation, где только на разработку технической документации отводится четыре года. Словом, до совершенства пенитенциарной системы еще очень далеко.

— Вы автор крупных монографий о смертной казни, о ее социальных и политических аспектах, а также о мировых тенденциях. Как Вы, авторитетный эксперт в этой сфере, относитесь к периодическим призывам к возвращению этой меры наказания?

— Дело не в авторитете. Авторитетных ученых немало и среди сторонников этой меры. К тому же, за последние пару веков аргументы «за» и «против» не изменились. Это, вообще говоря, не вопрос науки, а вопрос веры. Наивной веры в превентивные возможности этого наказания, веры в необходимость и справедливость возмездия, веры в древнее «око за око». И, конечно же, это вопрос политический, учитывающий уровень общественного правосознания, общественной безопасности, обязательства, принятые государством в силу международных соглашений, и другие факторы. Их сущность, влияние и связи между ними не сбалансированы и противоречивы. Политическое решение базируется на выборе приоритетов. Россия взяла обязательство не применять казнь тогда, когда криминальная ситуация была значительно хуже, чем ныне. Число убийств ежегодно снижается, но этот статистический факт не влияет на позицию сторонников смертной казни.

Призывы к ее возвращению имеют разную природу и цели. Иногда они связаны с потребностями власти отвлечь общественное внимание от более острых проблем. Чаще (особенно среди депутатов) слышны самодельные призывы; их инициаторы не погружены в суть проблемы, для них важен пиар, а не принятые решения. В основе этих призывов популизм, эксплуатирующий эмоции людей. Таких инициаторов справедливо называют «политическими мародерами». Бывают призывы и на более высоком уровне; они могут быть разной формы и преследовать разные цели. Недавно один облеченный высоким положением автор заявил, что «не исключает» возврата к смертной казни, чем сразу привлек внимание СМИ. В итоге и о себе напомнил, и застраховался от смены политического ветра. Мне такие заявления кажутся безответственными, повышающими и без того высокий накал общественной атмосферы. Чудовищная пропаганда разобщила общество, она растлевает и расчеловечивает людей. В итоге общество инфицировано нетерпимостью, взаимным недоверием и ненавистью. Зачем же подливать масло в огонь?

Уже говорилось о противоречивости факторов, влияющих на отношение к высшей мере и выбор курса политики. Поясню свою мысль. В России и в США они разные. Наше общественное мнение с явным перевесом выступает за возвращение к этой мере, хотя динамика убийств, как уже отмечалось, говорит о позитивных изменениях. В США, наоборот, динамика убийств неблагоприятная; тем не менее, в общественном мнении все больше растет число противников казни. И что крайне важно, та же тенденция особенно ощутима в практике назначения и назначения и исполнения этой меры наказания. Статистика ежегодного снижения числа казней и смертных приговоров в США показывает, что за 22 года число казней снизилось в 9 раз (с 98 до 11), а число смертных приговоров с 223 до 18, т.е., в 12,5 раз! В итоге, США балансируют между сохранением и растущим стремлением к отказу от этой меры, а Россия — между сохранением моратория и нарастающими призывами к возвращению смертной казни.

Мне уже приходилось писать о том, что в силу ряда причин, связанных с особенностями политической системы, отказ от этой меры в США будет болезненным и довольно долгим. Ну а в России ситуация традиционно не предсказуема. Что же касается моего личного отношения к проблеме, то оно известно и не зависит от изменений политической конъюнктуры.

— Большое Вам спасибо за очень содержательный разговор. Будем рады Вашим новым публикациям на страницах этого и других журналов нашей Издательской группы.

Ольга Платонова, генеральный директор ИГ «Юрист»